

о некоем государе («un prince souverain»), доверившем шайке проходимцев, выдавших себя за алхимиков, две тысячи экю на покупку химикалий, с помощью которых они обещали превращать металл в золото. По их отъезде секретарь занес этот поступок в книгу, где вел летопись «всех глупостей, совершавшихся в городе». Как и Альфонс V, государь знакомится с этой записью и задает секретарю те же вопросы, на которые получает такие же ответы. Однако происходит это в несколько иной обстановке. Ни французский и немецкий тексты, ни соответственно русская фацеция не содержат ни малейшего намека на то, чтобы при чтении королем книги и его разговоре с шутом присутствовали какие-нибудь лица. Между тем в анекдоте о государе, обманутом лже-алхимиками, секретарь ведет книгу не только для того, чтобы забавлять своего господина, большого любителя посмеяться, но когда к тому «съезжалась какая-нибудь компания, он доставлял себе удовольствие позабавить таким образом общество» («quand il arrivoit quelque compagnie, il prenoit plaisir à divertir le monde par ce moyen-là»). Запись о совершенной им самим глупости попадает на глаза государю, когда он, желая развлечь очередных гостей, велит секретарю принести книгу и открывает в ней последний заполненный лист; соответственно при них же совершается и обмен вопросами и ответами. Сходная ситуация в рассказе Новикова: шут, «проведав» о «дурачестве» шаха, «записал в ту же книгу и своего государя и во обыкновенное время объявил пред собранием» (курсив мой.— В. Р.). «Обыкновенное время» — это уже домысел самого Новикова, как и перенесение места действия в Персию, «досады» придворных, не смевших дать им выход, верность шута шаху, пленение арапа «на войне у турок».

Таким образом, рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха», представляет собою компиляцию, в которой сочетаются элементы трех текстов на один и тот же сюжет. Творческий процесс Новикова при работе с произведениями рукописной литературы отнюдь не сводился к их пересказу своими словами и со своими изменениями, но включал сравнение и оценку их печатных вариантов (версий, редакций, параллелей) с выбором между ними, а также их контаминацию, чему в двух томах «Похождения Ивана гостинного сына» находится немало уже обоснованных или ждущих подтверждения примеров.

Если, как можно предполагать, Новиков имел рукописный сборник, тождественный или близкий по составу погодинскому, он должен был читать рассказ «О министерском сыне»,²⁴ но тот же сюжет был ему известен по кн. 6, гл. 40 «О науках расад, сыгр, тылсым и протч.» труда Д. Кантемира «Книга свстима или состояниѣ мухаммеданскія релігїи» (СПб., 1722). Предпочтение было отдано этой авторитетной (для Новикова) печатной книге, откуда он и взял текст, несколько его сократив, произведя в одном месте перестановку и — главное — обновив архаический язык молдавского господаря.

²³ Ouville. Contes 1651. Pt. 1. P. 512–514; Ouville. L'élite 1669. Pt. 2. P. 430–432; Ouville. L'élite 1671. Pt. 2. P. 352–354; Contes à rire 1781. T. 3. P. 165–167.

²⁴ Рассказ опубликован в кн.: Указатель сюжетов. Т. 1. С. 343–344.